

О СОЦИОЛОГО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ТЕНДЕНЦИИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ В. ВОРОВСКОГО

Э. САФРОНОВА

В. В. Воровский — крупнейший марксистский критик начала XX века. Его литературно-критическая деятельность связана с третьим этапом освободительного движения в России, с тем периодом, когда в острой идеологической борьбе происходило становление марксистской литературной науки.

В создании подлинно научной методологии Воровскому принадлежит почетное место.

Талантливый партийный публицист, социолог, последовательный марксист-ленинец, Воровский внес в свою литературную деятельность политическую остроту, принципиальную партийность, живость революционного ума, видящего в различных формах общественного сознания могучее средство борьбы за пролетарскую революцию.

Его работа в области литературной критики развернулась наиболее активно в период подготовки и проведения первой русской революции и наступившей вслед за ее поражением жесточайшей реакции. Особенности этого периода наложили свой отпечаток на характер статей Воровского о литературе.

Одной из самых примечательных особенностей критики Воровского является необычайная насыщенность его статей социологическим материалом, публицистичность, склонность оценивать литературные явления со стороны их объективного общественного смысла, ярко выраженная подчиненность задачам современной ему революционной ситуации.

Этот социологизм очень сближает Воровского с критиком второго этапа освободительного движения — Н. А. Добролюбовым.

Безусловно, социологические экскурсы, развернутые классовые характеристики, исключительное богатство познаний в области исторического материализма и умение использовать их при анализе художественной литературы — всё это черты, свойственные целой плеяде критиков, закладывавших основы марксистской методологии в России. Однако у Воровского эта особенность выражена наиболее отчетливо и заслуживает специального рассмотрения.

Степень публицистичности Воровского так велика, что по давно установившейся традиции его принято называть критиком-публицистом, а сами статьи считать образцом публицистической критики.

С этим определением мы встречаемся в очерках о Воровском, появившихся в 20—30 гг., оно осталось и в современных исследованиях о нем. Но содержание, вкладываемое в понятие публицистическая

критика, далеко не равнозначно: иногда оно означает особое качество передовой литературной критики (и это наиболее верное определение), иногда — разновидность критики. Нередко публицистическая критика просто отождествляется с социальной публицистикой на литературные темы.

В представлении большинства авторов, писавших о Воровском, его литературно-критическое наследие включает в себе «органическое единство общественно-публицистической и эстетической оценок»¹, причем, в традиционном истолковании, общественно-публицистическая — направлена на оценку содержания литературы, а эстетическая — на оценку формы.

Подобная точка зрения уязвима во многих отношениях. Если литература в ее общественном содержании может быть изучена с позиций социальной публицистики, то где грань, между публицистикой как таковой и публицистической критикой? Эта грань почти стирается. На долю собственно литературной критики остается лишь анализ формы, а изучение важнейших категорий — содержания и функции становится внеэстетическим, лишается специфики. Это ведет к отождествлению публицистической критики с социальной публицистикой, к растворению наследия Воровского-критика среди смежных социальных дисциплин — истории общественной мысли, журналистики, истории КПСС и т. п., мешает определить его исторический вклад в науку о литературе, дает повод сомневаться в литературоведческом характере такой критики.

Более того, возникает представление о возможности некоей чисто эстетической критики, которая свободна от таких качеств, как публицистичность и «социологизм». Истоки публицистичности при этом видят в использовании Воровским художественной литературы в качестве иллюстративного материала для положений марксистской социологии.

Причина столь одностороннего истолкования методологии критики Воровского кроется в «образной концепции» эстетического. Ограниченность этой концепции была осознана лишь в последние годы. До тех пор пока специфика искусства сводилась к образности, к конкретно-чувственной форме, противопоставление социологического и эстетического анализа в литературоведении было неизбежным. Это закономерное методологическое последствие односторонних исходных позиций.

Однако в настоящий момент, когда советская эстетика считает, что эстетическая специфика распространяется на все стороны и соотношения в искусстве, становится очевидной ошибочность подобного понимания методологии публицистической критики вообще и критики Воровского в частности.

Представление о том, что в статьях Воровского на литературные темы публицист и социолог нередко подавляют литературного критика, возникает не случайно. Оно основано на многих особенностях, действительно присущих этим статьям.

В первую очередь серьезный повод сомневаться в литературоведческом характере публицистической критики дает сам Воровский. В его теоретических рассуждениях критика делится на два рода оценок — публицистические и художественные. Большинство своих статей, такие как «О М. Горьком», «Базаров и Санин», «В ночь после битвы», «Рас-

¹ См., например, канд. диссертацию И. С. Черноуцана, В. В. Воровский в борьбе за большевистскую критику, М., 1949.

кол в «темном царстве»» и т. п. Воровский считает публицистическими и оговаривается об этом специально.

Он полагает, что можно анализировать «жизненную правду» произведений, не касаясь их «художественной правды»², если ее анализ не входит в задачи критика-публициста.

Эти высказывания Воровского ведут исследователей к отождествлению «публицистической оценки» с социальной публицистикой, использующей литературу в качестве материала.

Социологический анализ литературы в концепции Воровского является анализом внеэстетическим, хотя и способствующим последнему.

Однако наблюдение над методологией так называемых «публицистических оценок» творчества М. Горького, Тургенева и др. опровергает концепцию Воровского в самом ее существе. В названных статьях, вопреки прямым заявлениям и намерениям их автора, осуществляется полноценный эстетический анализ литературы. В них социологический анализ ведет одновременно и в область социальной публицистики и в область литературной критики.

Причину того, что сам Воровский недооценивал литературоведческий характер своих статей, можно видеть лишь в одном: он стоял на уровне современной ему марксистской эстетики, разделяя вместе со всеми традиционное представление о специфике художественной литературы.

Нельзя сказать, что он был достаточно последовательным приверженцем «образной концепции». Ему, как и Луначарскому и многим другим выдающимся критикам-марксистам свойственна некоторая противоречивость высказываний в этом вопросе, что свидетельствует о стихийном стремлении преодолеть узкие рамки теории «образности». Однако в тот период эстетический характер таких категорий как содержание и функция искусства оставался еще неясным, да и до сего дня эта проблема является дискуссионной.

Воровский считает, что социологическая оценка объекта, содержания, мировоззрения писателя и т. п. — всё это еще не художественная критика (хотя она и является необходимой частью литературоведческого анализа в его понимании), не эстетический анализ, то есть с нашей сегодняшней точки зрения еще не критика в собственном смысле слова.

Следовательно, сейчас, когда становятся ясными истоки воззрений Воровского на характер публицистических оценок в их исторической ограниченности, необходимо исходить не из высказываний самого Воровского, а из объективного изучения его методологии.

Тот способ доказательства литературно-критического значения статей Воровского, который сводится к перечислению положений критика, в литературоведческом характере которых никто не сомневается, нам представляется неудовлетворительным. Это путь чисто внешнего решения сложного вопроса. Он ведет к противопоставлению публицистического и социологического эстетическому и художественному.

Необходимо подойти к наследию Воровского как к единству критики и публицистики со стороны литературоведческого смысла этого единства.

Необходимо отказаться от общепринятого деления его статей на социально-публицистическую оценку содержания и эстетическую оценку формы. В каждой из работ Воровского ясно проступают две тенденции — социолого-публицистическая и литературно-критическая.

² Термины Воровского.

Обе они присутствуют постоянно, но соотношение между ними часто меняется в зависимости от тех или иных причин.

Ни одна из статей Воровского не может быть целиком отнесена ни к публицистической, ни к чисто литературно-критической, ни в одной из них нельзя отделить публицистическую часть от эстетической. Перед нами именно две тенденции, внутренне взаимосвязанные. Необходимо выяснить, что дает подобное единство науке о литературе, каким образом социологический метод публициста начинает служить литературной критике, становясь ее органической частью.

В предлагаемой статье, являющейся частью более обширной работы, сделана попытка охарактеризовать ту совокупность признаков, из которой складывается социолого-публицистическая тенденция статей Воровского в ее соотношении с литературно-критической тенденцией.

Признаков социологического³ подхода в статьях Воровского много. Достаточно процитировать некоторые места из такой, например, статьи, как «Раскол в «темном царстве»», чтобы убедиться в этом.

Основное направление статьи свидетельствует о стремлении автора понять социологические процессы, происходящие в современном ему мире мещан, объяснить тот раскол, который там, наконец, произошел. Создается впечатление, что литературные произведения привлечены лишь для иллюстрации.

Воровский пишет: «Представители «детей» в рассматриваемых драмах дают довольно богатый материал (выд. нами — Э. С.) для анализа указанного процесса с этой точки зрения»⁴.

Или: «В задачу настоящей статьи не входит художественный разбор обеих драм, ни психологический разбор созданных автором типов. Поэтому мы остановимся на этих последних лишь поскольку это необходимо для иллюстрации (выд. нами — Э. С.) высказанного раньше»⁵.

Констатируя, что в мире мещан произошел раскол, одним из признаков которого является столкновение «отцов и детей», Воровский опять подчеркивает публицистичность своего подхода к произведениям Горького и Найдёнова: «Постараемся же присмотреться к тем условиям, которые могли вызвать это столкновение, и проверим наши выводы по наблюдениям г.г. Найдёнова и Горького»⁶.

Этому же принципу подчинена и композиция статьи: в первом разделе раскрывается смысл происходящих изменений в мире «отцов», а затем эти положения иллюстрируются тем художественным материалом, который заключен в пьесах «Мещане» и «Дети Ванюшина».

Несомненным признаком социологического подхода можно считать принцип классификации и группировки действующих лиц из привлекаемых Воровским произведений: он группирует их в определенные социальные типы, которые дают ему затем возможность делать социологические обобщения о жизни классов и социальных групп, о жизни общества в целом.

Так в пьесах Горького и Найдёнова Воровский интересуется героями именно в этом плане: «В обоих произведениях старики (имеются в виду «отцы» — Бессеменов и Ванюшин) так схожи по типу, что

³ В данном случае под «социологическим» мы имеем в виду подход социолога-публициста, для которого литература не является специфическим предметом, а служит лишь богатым познавательным и иллюстративным материалом для социологических выводов.

⁴ В. В. Воровский, Литературно-критические статьи, М., 1956, стр. 80.

⁵ Там же, стр. 81.

⁶ Там же, стр. 70.

нам нет надобности разбираться в тонкостях их характеров»⁷. И далее: «Все эти типы... интересны не только как герои данной драмы, судьбой которых сумел заинтересовать нас автор, но именно как общественные типы, как продукты общественного процесса»⁸.

Эта статья — не исключение. Аналогичные принципы группировки действующих лиц в социальные типы мы находим в статье «О М. Горьком».

Воровский, изучавший психологию социальной группы «босячество» по обширной серии рассказов и пьес из жизни деклассированных, представленной Горьким, пишет:

«Рассказы г. Горького дают целую галерею типов, рисующих нам разнообразные оттенки босяцкой психологии и довольно ясно выраженную эволюцию вида босяк... Чтобы разобраться в этой галерее, необходимо по возможности обобщить личности героев в определенные психологические типы, то есть отбросить все индивидуальные, случайные черты и выделить всё общее, характерное для типа»⁹.

Можно ли более ясно назвать основные признаки социологического подхода к человеку в художественном произведении! Термин «психологический тип» не должен вводить нас в заблуждение: Воровский имеет в виду социально-психологический тип, так как это психика общего, из которой убрано всё случайное и индивидуальное.

В статье «Базаров и Санин» Воровский четко определяет свой метод, который может быть воспринят только как метод социолога: «...наиболее подходящим мы считаем метод социально-психологического анализа общественных формаций в их последовательной исторической смене...»¹⁰

Этот метод ведет Воровского путем социолога: от личности к типу, от типа к социальной группе, к обществу в целом. Именно это определение обычно цитируют, когда характеризуют метод Воровского-критика.

В процессе осуществления своих социологических задач Воровский постоянно делает выход в область чисто социологической проблематики.

Некоторые статьи представляют целые историко-социологические трактаты, необычайно насыщенные обширным социологическим материалом, публицистическими отступлениями. На основании этих «отступлений» читатель может составить себе представление о социологических воззрениях Воровского как о системе, основанной на положениях исторического материализма.

По своей проблематике это материал довольно разнообразный: здесь и очерки развития отдельных общественных течений — нигилизма, народничества, «кающегося» дворянства и т. п., и конкретные картины этих сложных процессов (А. В. Луначарский называл Воровского бытописателем в области социальной публицистики), здесь и развернутое изложение его взглядов на вопросы социальной жизни — теория «типичной психологии», «охранительных и разрушительных» факторов, влияющих на формирование общественного человека, объяснение закономерностей, управляющих развитием социальных групп и т. п.

⁷ В. В. Воровский, Литературно-критические статьи, стр. 79.

⁸ Там же, стр. 73.

⁹ Там же, стр. 59 (все слова, напечатанные разрядкой, выделены нами.— Э. С.).

¹⁰ Там же, стр. 225.

Такие статьи, как «Раскол в «темном царстве»», «О М. Горьком», «Лишние люди», «Базаров и Санин», «Мятущиеся и мечущиеся» настолько полны подобной проблематикой, что невольно вызывают представление о почти полном засилии социальной публицистики в них.

Наконец, к числу наиболее несомненных признаков социологического использования литературы может быть отнесена партийность Воровского. Как крупный деятель большевистской партии он, разумеется, подчинял свои выступления в печати задачам непосредственного руководства массами в процессе подготовки революции, задачам партийной борьбы. Это обстоятельство чаще всего приводит в качестве аргумента в пользу того взгляда, что Воровский выступал не как критик, а как партийный публицист.

Таким образом, в статьях Воровского действительно обнаруживается совокупность принципов и особенностей, которые свидетельствуют о социологическом подходе автора к художественной литературе.

Это выражается в методе, которым пользуется Воровский, в отношении к литературе как к иллюстративному материалу, в группировке действующих лиц в социальные типы для уяснения процессов общественной жизни. Подтверждением социологического подхода может служить и ярко выраженная партийность позиции Воровского, и та социологическая проблематика, которая как бы оттесняет литературоведческие проблемы.

На основе этих особенностей вполне возможно в нелитературоведческом изучении наследия Воровского.

Однако советское литературоведение должно изучить Воровского как литературного критика, представляющего самостоятельное звено в истории литературной науки в России, как одного из основоположников марксистского литературоведения в нашей стране.

Для осуществления этой задачи в первую очередь должна быть изучена методология его публицистической критики.

Постановка вопроса в такой плоскости — выяснение литературоведческого смысла социологической тенденции Воровского — дает возможность увидеть, что эта тенденция имеет свою как бы вторую сторону и что этой стороной все вышеназванные признаки повернуты к художественной литературе уже не как к материалу, а как к предмету.

Начнем с такого признака публицистичности, как свойственный Воровскому уход в процессе анализа в область социологической проблематики. Что представляет собой весь этот социально-исторический материал?

Нельзя не заметить, что за всей пестротой этой проблематики кроется нечто общее, что объединяет все теоретические и историко-социологические рассуждения Воровского в едином внутреннем содержании.

Нам думается, что не будет ошибкой назвать это нечто марксистской концепцией человека и общества в ее теоретическом обосновании и практическом применении и изложении.

В статьях Воровского содержится решение вопроса, издавна волновавшего философскую мысль ученых разных стран — вопроса о личности и среде, о детерминации человеческой индивидуальности окружающим ее природным и общественным миром.

В совершенстве владея марксистским диалектическим методом, Воровский рассматривает человека не с отвлеченной антропологической точки зрения, которая в известной степени была свойственна даже революционным демократам, а с позиций того высшего научного пони-

мания места человека в системе общественных отношений, которое было достигнуто мировой социологической мыслью в трудах Карла Маркса и его последователей.

«Жить» при современных условиях, — пишет Воровский, — значит поддерживать свое существование определенным родом труда или дохода. Физиологическое понятие заменяется экономическим. Но чтобы «жить» в этом смысле слова, необходимо приспособиться и по общественному положению и по своему мировоззрению к определенной общественной форме»¹¹.

В силу этого закона классового общества нет человека «вообще», не существует никакой антропологической единицы, которую можно было бы вырвать хотя бы умозрительно из системы сложнейших общественных связей.

Если субъективная социология, в частности народническая, считает основной единицей общества личность с ее «потребностями», то Воровский в основу общественного устройства кладет иную единицу, более крупную — класс, классовые группы.

«Современная жизнь — жизнь общественная — не знает человека вообще; чтобы получить в ней права гражданства, нужно предъявить своего рода паспорт, установить свою общественную физиономию, — пишет Воровский в статье «О М. Горьком». — В вечной борьбе за существование, которую пришлось вести человеку, в борьбе с природой, с одной стороны, в борьбе с человеком же за первенство и господство — с другой, выработались те формы общежития, вызванные потребностью разделения труда и организации производительных сил общества, которые являются столь характерными для цивилизованных народов. Формы эти — классовая группировка общества»¹².

Такое понимание общества и места человека в нем было глубоким переворотом в социологии, преодолением антропологизма и субъективизма, что, в свою очередь, привело к новым принципам изучения всей сложной проблемы — человек и общество.

В социологической концепции Воровского содержится марксистское понимание общественной среды. Оно носит научный характер. Представление о среде не сводится Воровским к непосредственному бытовому окружению человека, к условиям его индивидуального развития. В классовом обществе средой становится та социально-экономическая подпочва, которая определяет все существенные особенности социальной группы, вне которой человек не существует, а затем и всё общество, так как всякая социальная группа подвергается влияниям со стороны общественного организма в целом и эти влияния не могут не касаться отдельных личностей.

Среда объясняется Воровским как величина непостоянная. Человек подвергается внешним влияниям непрерывно изменяющихся общественных обстоятельств, он может переходить из одной группы в другую, может принадлежать по рождению к одной, а по мировоззрению разделять взгляды противоположной среды. Чем острее классовые противоречия, тем быстрее протекают процессы классовой дифференциации, тем больше оснований говорить о влиянии всего общества, тем многообразнее и противоречивее это влияние и тем сложнее разложить его на составные части.

Воровский, несмотря на всю очевидную сложность проблемы, стремится как можно более всесторонне рассмотреть взаимосвязь человека и среды. Она интересует Воровского в обоих аспектах — и как влияние

¹¹ В. В. Воровский, Литературно-критические статьи, стр. 57.

¹² Там же, стр. 56—57.

среды на человека, и как обратное воздействие человека на окружающий мир. И в этом отношении он стоит на уровне современной ему марксистской социологии, преодолевшей противоречие буржуазной мысли в понимании детерминизма.

В концепции Воровского взаимоотношения человека и общества рассматриваются как процесс, как непрерывное движение, обусловленное целым рядом закономерностей. Этот процесс изучается им на обширном материале жизни различных социальных групп на протяжении многих десятилетий. Воровский рисует картину сложной эволюции дворянства, мещанства, пролетариата, люмпенпролетариата и т. п. во всей ее диалектике.

Весь этот историко-социологический экскурс в статьях Воровского имеет, безусловно, большой познавательный интерес и не потерял научной ценности до настоящего времени. Но еще более важным является то, что Воровский, воссоздавая портреты целых классов и эпох, одновременно устанавливает, проверяет, демонстрирует те закономерности, которые управляют жизнью общественного человека. А это, в свою очередь, позволяет понимать не только те процессы, о которых непосредственно писал Воровский. Они имеют всеобъемлющее методологическое значение и как всякие научные закономерности распространяются на очень широкий круг явлений в проблеме — человек и общество.

Интерес Воровского к проблеме детерминизма вытекает из характерного для всей его деятельности в области общественной мысли стремления увидеть единство исторического процесса, единство идеального и материального, объективного и субъективного. «Только уяснив себе единство обеих сторон исторического процесса — и материальной, и духовной, и стихийной, и сознательной — можем мы постичь так называемую закономерность общественного развития»,¹³ — пишет Воровский.

Результатом этого сознательного, целенаправленного устремления Воровского является его постоянный интерес к «субъективной» стороне общественной жизни, ко «второй стороне медали» экономического строя, которая обязывает видеть в классах не только экономический организм.

Своеобразие Воровского в этом отношении выразилось в том, что он не ограничился исследованием идеологии общества, форм общественного сознания, которые представляют «идеальную», «субъективную» сторону исторического процесса, не ограничился вниманием только к оформившимся в четкие теоретические положения и идеологические системы взглядам социальных групп, а заинтересовался тем особым звеном в структуре общества, которое принято называть социальной психологией и которое не может быть отождествлено с понятием идеология.

Единство материального и идеального в объективной действительности осуществляется через общественного человека, а духовная жизнь человека выражается не только в форме идеологии, т. е. политических, правовых, этических и пр. воззрениях, выделившихся в самостоятельную область и могущих быть изученными вне своих конкретных носителей — людей классового общества.

Опираясь на глубокое знание конкретной действительности, человек большого опыта революционной борьбы Воровский видел, что на общей экономической основе в людях, принадлежащих к одной и той

¹³ В. В. Воровский, Литературно-критические статьи, стр. 105

же социальной среде, вырабатываются и такие черты их восприятия и отношения к действительности, которые не всегда поднимаясь на уровень систематизированных идеологических воззрений классов, тем не менее живут в них и определяют в значительной степени их общественное поведение. Воровский назвал это звено в структуре общества типичной или классовой психологией.

«. . . одинаковые экономические условия порождают одинаковую психологию у членов данной группы, одинаковые правовые и нравственные понятия. Экономически необходимое становится психологически необходимым, нравственным, законным. Создается, таким образом, свой мирок понятий и взглядов, мирок, хотя и подчиняющийся некоторым воззрениям доминирующей группы, так называемым понятиям всего общества, но в то же время свято охраняющий и свое специфическое миропонимание. . . Общественно-экономическое положение современного человека и его классовая психология — это две стороны одной и той же медали», — так излагает Воровский свою точку зрения в статье «О М. Горьком».

Очень показательно, что в состав «типичной психологии» у Воровского входят самые разнообразные компоненты, характеризующие духовную жизнь человека. Он не ограничивает эту «психологию» только областью стихийного, неосознанного, не противопоставляет ее идеологии, мировоззрению.

В настоящее время получила довольно широкое распространение теория, согласно которой социальная психология представляет собой только то в духовной жизни человека, что им самим не осознано, но является результатом его общественного положения и так или иначе влияет на его общественное поведение.

Так, например, в работе В. Я. Лакшина «Искусство психологической драмы Чехова и Толстого», в работе в целом интересной и содержательной, мы находим следующее определение общественной психологии:

«Когда мы говорим об общественной психологии, то имеем в виду настроения, характерные для представителей определенной социальной среды, еще не отлившиеся в четкие идеологические формы. Общественная психология определяется конкретно-историческими условиями и отражает социальные противоречия. Незрелость общественных взглядов, неясность политических убеждений «среднего человека», рядового интеллигента еще не говорят об отсутствии у него определенного отношения к социальной действительности. Только отношение это не осмыслено еще до конца, не перешло из сферы настроений и эмоций в сферу глубокого осознания и убеждения. Исследователи литературы иногда впадают в грех вульгарного социологизма, стремясь четко определить идеологическое и политическое кредо некоторых персонажей Чехова и Толстого, тогда как правильнее здесь было бы говорить об общественной психологии широких слоёв интеллигенции, художественно отображенных в психологической драме»¹⁴.

Тот «грех» вульгарного социологизма, о котором пишет В. Я. Лакшин, действительно свойственен очень многим литературоведческим работам и автор глубоко прав, поднимая этот вопрос. Литературоведу в его исследованиях совершенно необходимо понятие «социальной психологии», более, чем кому-либо из представителей общественных наук, так как литература воспроизводит живого, индивидуализированного

¹⁴ В. Я. Лакшин, Искусство психологической драмы Чехова и Толстого. М., 1959, стр. 9—10.

человека, в котором вся его духовная, интеллектуальная жизнь опосредована психикой.

В. Я. Лакшин прав и в том смысле, если его истолкование социальной психологии применить к проблеме структуры общества. В структуре общества социальная психология действительно является как бы предшествующим звеном по отношению к идеологии, она включает в себя неосознанные тенденции человеческого поведения. В определенном смысле идеология, безусловно, отделяется от области социальной психологии.

Но иначе обстоит дело, когда речь идет о живом, конкретном человеке, носителе общественного сознания. В нем общественное сознание преломляется через его психику, которая имеет очень сложный состав, высшим проявлением ее является сознание.

В состав социальной психологии, когда речь идет о таком конкретном человеке, должно необходимо включаться не только стихийное, неосознанное, непосредственно эмоциональное отношение человека к действительности, но и его мировоззрение, его индивидуальное сознание, являющееся формой преломления общественного сознания.

Когда литературовед судит о персонаже литературного произведения только на основании его политических или этических деклараций, не учитывая социального характера его настроений и эмоций, он идет по пути весьма поверхностного и обедненного анализа человека. Но не менее опасной нам представляется другая крайность — отделение в личности человека его мировоззрения, его идеологии от его мироощущения, его социальной психологии. Если же механически переносить на личность соотношение между социальной психологией и идеологией, которое существует в структуре общества, то такое отделение становится вполне реальным. Всех героев литературы в таком случае можно разделить на тех, у кого отношение к социальной действительности находится лишь в сфере «эмоций и настроений», у них отсутствует четкое мировоззрение, и тех, у кого мировоззрение оформилось в определенные убеждения, перешло в «сферу глубокого осознания и убеждения», но у них эти убеждения не опосредованы психикой (ведь психика — область стихийного и неосознанного!). Это противоречит реальному составу психики человека. Разве оттого, что Павел Власов или Кирилл Извеков могут совершенно четко изложить свое жизненное кредо по самым различным вопросам идеологического характера, это кредо перестает жить в их психике, не определяет их поступков в те моменты, когда жизнь не дает герою даже осознать свое поведение, а заставляет действовать немедленно, как бы интуитивно, разве их мировоззрение не выражается в «сфере эмоций и настроений»? Ведь у истинно убежденных людей их убеждения становятся «второй натурой», они так глубоко пронизывают психику человека, что он действует и чувствует в соответствии с ними даже тогда, когда не успевает соотнести свои чувства и поступки с отвлеченными политическими или этическими нормами. Особенно это характерно для натур цельных, монологичных, которых достаточно и в жизни, и в литературе. В связи с этим социальная психология как звено в общественном организме, несмотря на то, что оно не сливается с идеологией, не может быть ограничено лишь областью неосознанного, эмоционального.

О том, что социальная психология предшествует формам общественного сознания, не может быть двух мнений. Это общепринятое положение исторического материализма. Но что касается состава самой общественной психологии, то нам представляется очень верной

и глубокой мысль проф. Г. Н. Пospelова, высказанная им в новой работе «О природе искусства», мысль о том, что идеологические взгляды людей существуют не только в виде теорий: «Прежде, чем получить теоретическую систематизацию, они возникают непосредственно в процессе социальной практики людей и живут в их личном практическом сознании в форме обобщающих представлений и суждений об отдельных людях и их существенных социальных особенностях»¹⁵.

Из тех определений, которые Воровский дает «типичной психологии», ясно видно, что она не сводится им лишь к стихийному выражению человеком своего общественного отношения к социальной действительности. Область социальной психологии в понимании Воровского (впрочем, как и в понимании всех представителей первого поколения марксистов), включает в себя помимо «вкусов», «настроений», «привычек» — «правовые и нравственные понятия», «взгляды», «мировоззрение».

Такое отношение к составу социальной психологии, свойственное Воровскому, играет исключительно важную роль в литературоведческом анализе.

Социально-психологический аспект, в котором Воровский подходит к явлениям общественной жизни, порождает еще одну важную особенность его социологических интересов: Воровский постоянно исследует общественную типологию.

Жизнь, подчиняя людей своим законам, объединяет их в определенные типы, представляющие собой сгустки социально характерного.

Воровским разработана богатая типология на материале жизни России второй половины XIX века и начала XX века. Его типология, естественно, не сводится к количеству существующих в данный момент классов, сословий и прослоек. Она неизмеримо богаче. В жизни каждого из этих общественных образований постоянно и очень бурно происходит процесс дифференциации. Устойчивость групп по отношению к влияниям всего общества становится все менее значительной, так как в самом способе производства происходят решительные перемены. Россия идет к таким сдвигам, которые не оставили без изменений ни одного уголка общественной жизни. Результатом этого необычайно ускорившегося процесса явилась столь же бурная, противоречивая и стремительная типизация со стороны действительности. Она создает громадное количество типов человеческого поведения, в которых закрепляются подспудно происходящие процессы распада старого и зарождения нового.

Воровского интересует всё значительное и характерное. Об этом свидетельствуют его статьи, где идет речь о нигилистах и «лишних людях», «мятущихся и мечущихся», «боссяках», террористах, женщинах, «вышедших из круга» и женщинах, способных к высокому служению идеалам, статьи о типах материнской любви, о борьбе «отцов и детей», о смутных путях интеллигенции, не нашедшей дорогу к народу, о «кающихся дворянах» и стойких революционерах.

И за всей этой богато развернувшейся на страницах его работ типологией социальной жизни России — познанные марксистом закономерности, за всем этим — могущество диалектического метода, способного найти человеку его истинное место в сложном общественном механизме, изучить законы его движения, пронизать единой системой все явления, начиная с экономического фундамента, кончая отдельной человеческой личностью.

¹⁵ Г. Н. Пospelов, О природе искусства, М., 1960, стр. 70.

Итак, знакомство с социологической проблематикой в литературных статьях Воровского приводит к выводу о том, что она в своей совокупности содержит в себе широко разработанную проблему человека и общество. Исследования Воровского носят обычно социально-психологический характер, что приводит к всестороннему изучению общественной типологии.

Всё это вместе взятое имеет самое непосредственное отношение к методологии марксистской литературной критики.

В большинстве работ о Воровском значение его социолого-публицистических «отступлений» выявляется с точки зрения их конкретного содержания по отношению к используемому Воровским произведениям.

Так, И. С. Черноуцан, один из серьезных исследователей Воровского, считает, что социологические экскурсы Воровского — это «развернутое социологическое и историческое введение к рассмотрению явлений современного литературного распада».

И. Сергиевский в предисловии к сборнику статей Воровского высказывается в том же плане: «Исторические судьбы русской интеллигенции проанализированы в двух работах Воровского: «Лишние люди» (1905) и «Базаров и Санин» (1909) — работах, которые справедливо можно рассматривать как своего рода историко-социологическое введение к циклу его статей о конкретных явлениях русской литературы XX века»¹⁶.

Нет необходимости оспаривать такую точку зрения. Она вполне справедлива. Но в то же время она несколько сужает значение всей этой стороны статей Воровского, так как не ставит вопроса о методологическом значении социолого-публицистической тенденции. В результате происходит, вольно или невольно, выделение этих разделов или даже статей целиком за пределы критики как таковой, — ведь это или «отступления», или «введение» или «историко-социологические трактаты о судьбах русской интеллигенции».

Однако эти материалы имеют более органическую и тесную связь с анализом литературного произведения, они более непосредственно включаются в принципы этого анализа.

Проблема — человек и общество — вооружала критика, помимо конкретного содержания, тем, что в ней разработаны теоретические и конкретно-исторические закономерности, которые объясняют человека в его социальной сущности. Понимание этих закономерностей, овладение ими могло служить методологической основой для критики, определять исходные позиции критика при объяснении ею человека и как основного объекта литературы, и как ее творца, субъекта, поскольку творческие индивидуальности могут быть поняты лишь на основе марксистского понимания обусловленности творчества общественными связями и обстоятельствами. Это могло быть методологическим ключом в решении важнейшей проблемы литературной науки — проблемы социально-исторического характера, позволяло видеть социальный смысл человеческой судьбы в ее двойном опосредовании общественной жизнью в художественном произведении.

В тот момент, когда выступает Воровский, сама русская литература ставила, как одну из самых важных, задачу научного понимания взаимоотношений человека и общества. Критик должен был обладать такой широтой взгляда на человека в искусстве и в жизни, которая бы давала ему возможность быть на уровне великих открытий лучших

¹⁶ И. С. Сергиевский, Предисловие к сб. Воровский, Литературно-критические статьи, М., 1948, стр. 7.

писателей прошлого и настоящего. Буржуазная наука, либерально-пародническое литературоведение в России были не в состоянии делать это.

Овладение подлинно научной концепцией человека, наряду с другими проблемами, стало специфической задачей литературной науки и критики. Без ее разрешения наука не могла двигаться дальше, оказывалась несостоятельной перед лицом своего предмета.

То, что в статьях Воровского мы находим именно такую концепцию, говорит о том, что она могла и, безусловно, была методологической основой для литературной критики в разрешении ее специфических задач.

Каждая из граней этой концепции вооружала критика в том или ином отношении.

Марксистское понимание такой категории, как среда позволяло критику правильно подойти к вопросу о типических обстоятельствах. Этот вопрос в реалистической литературе сам является частью более крупной проблемы — проблемы метода.

Отношения человека и среды, раскрытые Воровским как процесс, подчиняющийся определенным закономерностям, давал возможность литературному критику видеть человеческий характер в движении, понимать его во всей жизненной эволюции в тесной взаимосвязи с жизненными обстоятельствами.

Отсюда, при известных условиях, лежал путь к пониманию человека в соотношении с сюжетом произведения, его конфликтом, путь к познанию структуры произведения, его внутренней логики, его эстетических закономерностей.

Особенно много литературной критике давал социально-психологический аспект, в котором Воровский изучает общественную жизнь.

Этот аспект открывал перед критиком возможность подходить к человеку не как к социологической абстракции, а как к живой, конкретной индивидуальности, поскольку Воровский устанавливает закономерности влияния действительности на человека через его психику. Как указывалось выше, Воровский не ограничивал понятие «социальной психологии» только областью идеологического или, напротив, стихийного. Его «типичная психология» включает в себя единство стихийно общественного и идеологически осознанного, единство чувства и мысли, настроений и осознанного принципа.

Такое понимание общественного человека помогало критику подходить к нему как к личности, характеру.

Социолог интересуется типами жизни, так как они представляют для него определенный способ обобщения социально-психологического в жизни общества и изучаются вне конкретной индивидуальности, вне плоти, вне конкретно-чувственного бытия человека и типов жизни.

Но критик, который имеет дело с человеком, воплощенным искусством, должен видеть его во всей общественной обусловленности, не разрывая общее и личное, идеологическое и психологическое, стихийное и сознательное, общее и конкретное. Он должен брать человека в единстве всех этих сторон.

Подход Воровского к социальной психологии предупреждал критику от вульгаризации, которая выражается в превращении человека в «персонифицированную функцию», в «классовый ярлык».

Результатом социально-психологических исследований Воровского явилась, как мы помним, многообразно разработанная типология общества. Эта сторона социологической проблематики Воровского уже

не только примыкает к критике, но и является ее составной частью. Она вооружает критику и содержанием своих обобщений и методологически.

Самостоятельное изучение типологии общества входит в специфические задачи литературной критики, так как никакая другая наука за нее этого не сделает. Критик сам должен быть социологом. Здесь социология становится для него средством, с помощью которого, подчас не отказываясь от ее метода, критик решает проблему типического характера в художественной литературе.

Выше отмечалось, что Воровский очень часто наводит читателя своих статей на мысль об использовании им литературных произведений в качестве иллюстративного материала. Это действительно так. Но следует обратить внимание на особый способ привлечения Воровским литературного материала для иллюстраций социологических процессов.

Примечательным в этом способе является то, что Воровский никогда не ограничивается отдельными «примерами» из тех или иных произведений, отдельными сценками, диалогами, эпизодами. Им почти всегда привлекается или вся ситуация произведения («Раскол в «темном царстве»», «В ночь после битвы») или галерея характеров («О М. Горьком»), или творчество писателя целиком («Лишние люди») и т. п.

По объему эти иллюстрации разрастаются в очень значительные разделы «публицистической критики», а то и вообще пронизывают собой всю статью. Такого рода иллюстрации никак не напоминают те разрозненные примеры из литературных произведений, которые мы иногда встречаем у публицистов в статьях на этические, политические или юридические темы.

Именно в этом особом способе привлечения литературы в тех случаях, когда Воровский как бы всецело устремлен к политическому выводу на основе произведения, скрывается одна из основных предпосылок единства публицистики и критики. Благодаря этому способу в статьях Воровского образуется внутренняя связь между стремлениями социолога и особенностями художественной литературы.

Будучи марксистом, Воровский подходит к общественной жизни как к целостному сложному процессу, подчиняющемуся объективным законам развития. Этот процесс как определенное единство в первую очередь интересует социолога. Литература ему нужна для живого, конкретного представления о процессах, протянувшихся во времени, длительных и сложных. Отдельными примерами при такой цели ограничиться невозможно. Воровский привлекает произведения очень широко, поскольку литературе тоже свойственно стремление охватывать жизнь людей как некое единство.

Писатель воспроизводит жизнь как эстетическое единство, в котором (особенно, если это писатель-реалист) сохранена его внутренняя логика. А социологу эта логика важнее всего. Он извлекает ее из литературного произведения, стремясь сделать социологические выводы о жизни.

При таком использовании художественной литературы должно происходить подспудное, подчас не осознаваемое самим публицистом проникновение во внутренние закономерности литературы, в результате которого она из материала для иллюстраций превращается в предмет для изучения.

Возникает почва для такого тесного, разветвленного контакта, взаимобмена, что публицист-социолог начинает «попутно» глубоко проникать в суть литературного явления, решать литературно-критические задачи.

Наконец, посмотрим, что представляет собой наиболее значительный признак социологической тенденции — ярко выраженная партийность позиции Воровского.

В одной из диссертаций, посвященных Воровскому, дано такое объяснение своеобразия этой позиции:

«Воровский умел на время отрешиться от книги и посмотреть на нее глазами партийного литератора, он оценивал ее с точки зрения пролетариата и указывал вред или пользу она принесет делу революции. . . В то время такой взгляд на литературу носил характер утилитарный, но само время (подготовка революции) диктовало Воровскому такое прямолинейное решение»¹⁷.

В этом высказывании партийность — оценка произведения с точки зрения пролетариата — становится монополией партийной публицистики. Задачи критики ограничиваются: она лишается права оценивать литературное произведение с позиций революционного класса, измерять его достоинства и значение относительно потребностей революционной действительности.

Это совершенно ошибочное толкование как проблемы партийности, так и задач критики.

Сторонники подобного взгляда (а их довольно много) правы, конечно, в том, что Воровский выступает как партийный литератор, то есть как публицист-большевик, близкий соратник Ленина, один из видных деятелей партии, которому свойственно и стремление и умение давать литературному явлению политическую оценку.

Но это лишь одна сторона вопроса. Партийность не исчерпывается принадлежностью к партии. Ленин в известной статье о партийности ставит эту проблему значительно шире. Пролетарская партийность есть осознанная защита своих взглядов с позиций революционного пролетариата, есть открытое выражение своего отношения к явлениям социальной действительности на основе марксистского мировоззрения. И если такого рода партийность может и должна быть присуща художественной литературе, то с еще большим основанием можно требовать и ожидать такой партийности от литературной критики.

Партийность критики вполне соответствует той функции, которую она выполняет, будучи разделом литературоведения. Критика, более, чем история или теория литературы стремится к вынесению оценки литературному произведению относительно современности.

Один из важнейших критериев, которым она при этом руководствуется — это степень прогрессивности, общественной значительности данного литературного явления.

В этом отношении партийность публициста содержит в себе существенные предпосылки для партийности критика: острота публицистического взгляда, умение ориентироваться в сложной общественной обстановке помогает критику обратить особое внимание на наиболее значительные, характерные явления литературы и жизни, соотнести их с идеологической атмосферой своего времени, оценить в перспективе общественного развития.

Критик может дать верную оценку произведению только в том случае, если он владеет ясным пониманием современности, четкой мировоззренческой основой. В этом смысле боевая направленность выступлений Воровского является не недостатком, который надо оправдывать некими особыми условиями его деятельности в революционную пору,

¹⁷ Н. Ф. Пияшев, Воровский-публицист (канд. диссертация), М., 1955, стр. 215—216.

а условием, предпосылкой глубокого объективного и в то же время партийного подхода к художественной литературе.

При этом оценки Воровского носят специфический характер. Он идет к публицистической оценке произведений через эстетический анализ, что закономерно делает эстетическими и сами оценки.

Так, например, в статье «Базаров и Санин» мы находим с одной стороны ту форму партийности, о которой писал Н. Ф. Пияшев. Вскрыв объективный смысл саниных в действительности, Воровский дал им четкое политическое определение — это ренегатствующая интеллигенция, которая идет на сближение с буржуазией.

Но в той же статье присутствует и вторая, литературно-критическая тенденция, которая выражается, в частности, в том, что Воровский оценивает литературные произведения, считаясь с их эстетическими особенностями.

Очень характерно примечание, данное им во вступлении: «Санина и его автора много — и вполне заслуженно — ругали. Однако полагая, что ему уже отпущена вся причитающаяся порция негодования, я рассматриваю в своей статье этот роман совершенно объективно, допуская, что автор — в рамках указываемых мною ограничений — использовал реальные черты происходящего на наших глазах движения»¹⁸.

Воровский учитывает один из основных законов художественного творчества — даже в реакционном по своей основной тенденции произведении возможно не полное искажение действительности. С этим критерием подходит к художественной литературе всё советское литературоведение. Факт отражения (в философском смысле понятия) в любом произведении литературы не подлежит никакому сомнению. Вся сложность состоит лишь в анализе того, как осуществлено это отражение, с какой степенью правдивости, что послужило причиной ложного преломления жизни сквозь авторское сознание, каковы те средства, которые служили фальшивому воплощению явлений действительности и т. п.

На основе развернутого исследования соотношения субъективного и объективного в произведении формируется та оценка, которая является в литературной критике специфическим проявлением партийности.

Воровский обладает именно такой способностью выносить оценку на основе понимания эстетических закономерностей художественной литературы.

Партийность критика не может ограничиваться лишь выражением заслуженной Арцыбашевым или Л. Андреевым «порции негодования» вне развернутого, обоснованного доказательства реакционности их произведений. Это была бы декларативная партийность, обладающая очень малой силой воздействия на читателя.

Эстетическая форма партийности Воровского по отношению к роману Арцыбашева «Санин», например, проявилась в том, что он вскрыл свойственное ему противоречие между субъективными намерениями и воззрениями автора и объективным смыслом того явления, которому роман посвящен, и вскрыл это противоречие, как эстетическое (в данном случае — антиэстетическое, антихудожественное).

Достигает этого Воровский с помощью именно социолого-публицистического анализа. Без него заявления Воровского, касающиеся художественной фальши произведения, остались бы декларативными, бездоказательными. Лишь благодаря объективному истолкованию сущно-

¹⁸ В. В. Воровский, Литературно-критические статьи, стр. 223.

сти санных в жизни, читатель статьи Воровского получает глубокую уверенность в справедливости утверждений Воровского.

Публицистическая тенденция, сослужившая службу Воровскому-социологу, одновременно помогла ему как критику наряду с оценкой-отношением, дать оценку-объяснение, способствовала глубине аргументации этого объяснения.

Партийность критики несет на себе печать эстетической специфики литературы, эстетического своеобразия функции искусства.

Идейное содержание, которое живет в литературном произведении по своим особым законам, требует от литературного критика особого выражения своего отношения к произведению.

Мы рассмотрели основные признаки, из которых складывается социолого-публицистическая тенденция статей Воровского о литературных явлениях. В каждом из этих признаков, как и во всей тенденции, скрывается возможность органической связи социальной публицистики с литературной критикой, каждый из названных признаков обладает как бы «второй стороной», которой он повернут к художественной литературе и задачам критики.

Это касается и социальной проблематики, и способа иллюстрации, и того аспекта, в котором Воровский подходит к общественной жизни, и партийности его позиции.

В связи с этим выводит вопрос о той закономерности, в силу которой этот контакт способен осуществляться.

Что представляет собой социолого-публицистическая тенденция как целое?

Она является в свою очередь своеобразным единством социологии и публицистики. В основе этого единства лежит марксистский социологический метод.

Именно это обстоятельство является объективной предпосылкой того, что социолого-публицистическая тенденция содержит в себе исключительно важные моменты для литературной критики.

Марксистский диалектический метод в публицистической критике Воровского выполняет двойную функцию в силу того, что социология, являясь вполне самостоятельной наукой, в то же время — теоретическая и методологическая основа всех социальных дисциплин. Эту закономерность мы и обнаруживаем в статьях Воровского, когда открываем «оборотную сторону» социологического подхода.

Однако социологический метод публициста выполняет свою функцию по отношению к литературно-критическому анализу отнюдь не механически и не «попутно», как это может показаться на первый взгляд.

Эстетическая природа художественной литературы существенно преобразовывает характер социологических исследований Воровского, преломляя социологический метод в соответствии со своими специфическими закономерностями.

Для этого преломления в статьях Воровского есть определенная совокупность условий.

Вполне возможно, что публицистический подход к литературе претворял бы эти статьи в чистую социальную публицистику, если бы не одно важное обстоятельство — такая публицистика использует материал не самой действительности, а материал, даваемый ей художественной литературой.

Решающую роль играет тот способ иллюстраций, который составляет одну из существенных особенностей социолого-публицистической тенденции Воровского. Этот способ привлечения литературного материала становится тем необходимым условием, при котором все

предпосылки литературно-критического анализа, содержащиеся в социолого-публицистической тенденции, превращаются в опорные пункты литературоведческого, эстетического анализа.

То, что Воровский привлекает в так называемых «публицистических» статьях о литературе материал художественных произведений очень широко, позволяет им сохранять свои эстетические особенности, свое эстетическое единство. Данное обстоятельство в свою очередь, превращает литературный материал из пассивного арсенала примеров в специфический и цельный предмет, обладающий своими сложными и устойчивыми закономерностями. Литература при этом проявляет своего рода активность.

Литература в своей эстетической специфике едина. Поэтому социолог должен сталкиваться с этой спецификой постоянно, в любом повороте, касается ли это содержания, формы или функции отдельного произведения, творчества писателя в целом или литературного направления.

В самом факте прочной связи между интересами социолога и публициста, с одной стороны, и художественной литературы, с другой, кроется активная роль последней. Она привлекает социолога в силу своих специфических особенностей. Ни одна форма общественного сознания не может дать социологу того, что дает ему художественная литература (искусство вообще).

Известно, что Воровский не исключение в истории общественной мысли, что он дополняет собою длинный список имен выдающихся социологов и публицистов, ставших при этом и критиками. Это говорит о закономерности тяготения социологии к литературе.

Для Воровского действительно литературные интересы были лишь частью его многообразных интересов в области общественного сознания. Перу Воровского принадлежит немало работ на социально-политические темы. Он пишет по вопросам стратегии и тактики в революции 1905 года, по вопросам истории и дипломатии, он публицист и социолог прежде всего. Наконец, он революционер-профессионал, знавший ссылку и политическую эмиграцию, партийный работник, член ЦК партии Ленина. И человек с такой биографией, с таким кругом интересов начинает годами работать в области литературной критики.

Что могло заставить Воровского так целеустремленно и долго заниматься литературной работой в этой области?

Общие причины этого тяготения мы уже называли выше. Но необходимо добавить, что тяготение к искусству, к художественной литературе свойственно не всякому социологу, что в первую очередь оно обнаруживается в тех случаях, когда социолог занимается проблемами социальной психологии общества.

Воровский принадлежит именно к этому типу. Социально-психологический аспект его интересов неизбежно подводил представителей общественной мысли разных стран и эпох к художественной литературе.

Социальная психология классов, наций, целых общественных формаций дает социологу слишком богатый материал, чтобы он мог им пренебрегать. Но социология, как нам кажется, должна сталкиваться в осуществлении своих целей на этом пути с определенными трудностями, которые обусловлены самим социологическим методом: могучий и беспредельный в области экономических и идеологических проблем, он должен испытывать ощущение пределов своих возможностей при изучении социальной психологии. Этот предел касается не обобщающих возможностей социологии, а того материала, на основе которого делаются обобщения.

Ведь психика и в своей социально обусловленной части всегда имеет конкретного носителя. Психика классов складывается из психики отдельных индивидов, социальный тип как совокупность только общих типических черт в реальной жизни существовать не может, социально типичное накапливается в человеческой психике незаметно, в массе единичных характеров и лишь на определенном этапе становится психикой целого класса или группы, проявляясь в общественном поведении, в области политики, государственной деятельности, в отношении к другим классам.

Метод социологии не позволяет ей собирать по крупницам социально-психологические особенности в жизни общества через наблюдения над отдельными конкретными индивидами, над судьбами единиц. А в этих единичных явлениях и судьбах заложены будущие крупные социально-психологические явления, исключительно важные для понимания закономерностей общественного развития.

И здесь-то искусство приходит на помощь социологии. Это его стилия, его основная специфическая особенность — освоение общественной жизни в социально-психологическом аспекте при сохранении всего бесконечного многообразия и богатства жизни человека, а, следовательно, жизни классов, групп, общества. Искусство и, в первую очередь, реалистическая литература обобщает и запечатлевает то, что социологу подчас не видно, что проходит мимо его сознания как явление случайное, еще не обнаружившее себя на поверхности жизни, не отлившееся в крупные формы социальных отношений, не сложившееся в тип жизни. Искусство же это явление заметит. Ему всё важно: и новый сложившийся социальный тип-характер, и новая черточка в уже известном типе общественного поведения, пусть это будет всего лишь незначительный штрих. Если он заинтересует писателя, он о нем непременно напишет, расскажет людям, выразит к нему свое отношение, даст живое художественное воплощение.

Эти наблюдения писателя, в свою очередь, дают возможность социологии наблюдать эволюцию социальных типов, угадывать симптомы разложения или зарождения нового, предвидеть явления.

Вот почему социолог начинает питаться выводами искусства, хотя и остается при этом верным своему методу — он изучает жизнь общественного организма в его закономерностях.

Всё многообразие характеров в литературе социолог систематизирует в социальные типы, от них идет к классам, к обществу, к формации.

О том, что Воровскому свойственен такой подход, свидетельствует рассмотренная выше социолого-публицистическая тенденция его статей.

В одной из них, в статье «Лишние люди», Воровский прямо подтверждает положение о некоторых трудностях, которые испытывает социолог в вопросах социальной психологии. Наблюдая процесс бегства лишних людей от общественных идеалов, Воровский пишет: «Процесс этот не зарегистрированный, конечно, никакой статистикой, не поддающийся учету во всем его объеме, можно было тем не менее наблюдать по самому чуткому указателю — литературе»¹⁹.

Всё это говорит о том, что социологический анализ публициста, использующего художественную литературу, сталкивается с эстетической спецификой последней отнюдь не только тогда, когда соприкасается с особенностями ее форм. Это начинается значительно раньше и носит более глубокий характер.

Среди многочисленных проявлений специфики художественной литературы одно имеет в нашей проблеме принципиальное значение.

¹⁹ В. В. Воровский, Литературно-критические статьи, стр. 136.

Художественная литература представляет единство многочисленных сторон и особенностей. И в первую очередь это касается содержания и формы литературы. Их взаимосвязь образует нерасторжимое единство, которое носит эстетический характер.

Сторонники «образной концепции» признают существование диалектической взаимосвязи между содержанием и формой, но они считают, что природа содержания и формы не одинакова — содержание — социально, форма — эстетична. Связь между ними образуется в силу той закономерности, которая объективно действует в мире, придавая всякому содержанию ту или иную форму.

Противопоставление содержания и формы как социального и эстетического вело и ведет к неверному представлению о возможностях и задачах литературной критики. На основе этого противопоставления родилась теория двух актов, двух видов анализа — социологического и эстетического. Считалось, что возможно поочередное изучение сначала содержания (вне формы), а затем формы в ее зависимости от содержания. Единство литературы — это единство социального содержания и эстетической формы, а единство критики — это сумма социологического и эстетического анализом.

Осознание несостоятельности прежних представлений об эстетической специфике привело к одному очень важному выводу — природа литературы едина как в социальном, так и в эстетическом отношении.

Следовательно, и литературоведческий анализ должен быть единым эстетическим, а не распадаться на два вида оценок.

Критика не может изучать отдельно социальное содержание (вне эстетического в нем) или художественную форму (вне ее социальной обусловленности), так же как вообще не может разъять содержание от формы, поскольку они в своем единстве образуют нечто новое по качеству.

Единство различных элементов и сторон художественной литературы выражается в особых проявлениях ее специфической жизни, которые в науке о литературе изучаются как определенные эстетические категории.

Таковы: метод, стиль, характер, конфликт, сюжет, композиция, ситуация и т. п.

Изучать литературу в ее эстетической специфике — это и означает изучать ее в соответствии с названными эстетическими категориями.

Нельзя, интересуясь мировоззрением писателя, обойти проблему его стиля и метода, так же как интересуясь социально-психологическими типами, игнорировать проблему типического характера. Аналогично встают проблемы типических обстоятельств, сюжета и т. п.

Всё это эстетические категории, в которых выражается присущее литературе единство различных ее сторон и особенностей. Единство же содержания и формы ощутимо в любой из них, так как оно пронизывает литературу во всех ее внутренних соотношениях и всякий раз находит особое целостное выражение.

Художественная литература начинает «сопротивляться» стремлению социолога-публициста рассмотреть в ней социальное содержание отдельно от эстетической сущности содержания, формы, функции. Литература не отдает содержащийся в ней глубокий общественный смысл без специального эстетического анализа того художественного материала, который пытается односторонне использовать публицист. Социологические выводы достаются ему путем эстетического анализа.

Для осуществления этого в социолого-публицистической тенденции есть все необходимые предпосылки и в первую очередь социологический метод, который является основой литературной критики.

И когда объединяются все факторы: социолого-публицистическая направленность основных интересов автора, особый способ иллюстрации литературного материала и сохраненные, благодаря ему, эстетические особенности литературы, социологический метод начинает выполнять двойную функцию. Вступает в действие вторая тенденция — литературно-критическая. Социологический анализ приобретает черты известного своеобразия.

Это взаимодействие нескольких факторов, при наличии всех названных особенностей публицистической критики, происходит совершенно объективно, даже зачастую вопреки намерениям автора. Воровский, в частности, не раз предупреждает читателя, что видит свою цель лишь в публицистической оценке произведения!

Однако ему никогда не удается целиком вынести проблемы, поднимаемые Горьким или Чеховым, за пределы их произведений в саму действительность. Вместо этого происходит глубокое сопоставление этих произведений с действительностью, что является важнейшим методологическим принципом марксистской литературной критики.

Размеры данной статьи не дают возможности подтвердить свои положения конкретным анализом работ Воровского.

Поэтому свою задачу мы видели лишь в том, чтобы наметить хотя бы общие контуры решения вопроса о методологии «публицистических» оценок Воровского.

Вильнюсский Государственный университет им. В. Капсукаса,
Кафедра русской литературы

Вручено
в феврале 1962 г.

APIE SOCIOLOGINES-PUBLICISTINES TENDENCIJAS V. VOROVSKIO LITERATŪRINĖJE KRITIKOJE

E. SAFRONOVA

Re z i u m e

Straipsnyje parodoma, kokia yra nepagrįsta apie V. Vorovskį plačiai paplitusi literatūroje nuomonė, sutapatinanti V. Vorovskio kritiką su socialine publicistika, paremta literatūrine medžiaga, arba su sociologinės turinio analizės ir estetinės formos-koncepcijos analize. Nagrinėdamas V. Vorovskio kritikos metodologiją, straipsnio autorius priena išvadą, kad kritiko straipsniuose pasireiškia dvejų tendencijų — sociologinės-publicistinės ir literatūrinės-kritinės — sąveika. Pirmoji iš jų atlieka svarbią metodologinę funkciją antrosios atžvilgiu. Minėtasis dvejų tendencijų santykis pasireiškia visuose V. Vorovskio literatūrinuose tyrinėjimuose ir paaiškinamas naujaisiais tarybinės estetikos pasiekimais.

Siame straipsnyje, kuris yra dalis didesnio darbo apie V. Vorovskį — kritiką, nagrinėjama sąlygų visuma, per kurią sociologinė analizė padeda atskleisti grožinės literatūros vidinius dėsningumus.